

**Минздрав устал
предупреждать...**

Роман Черкашин

Роман Черкашин

Минздрав устал предупреждать...

«Автор»

2023

Черкашин Р.

Минздрав устал предупреждать... / Р. Черкашин — «Автор»,
2023

В этом рассказе я решил пофантазировать, что будет дальше с сигаретами и другими продуктами, а также с нашей жизнью..... В Новый год я её выкладываю бесплатно!

Роман Черкашин

Минздрав устал предупреждать...

Игорь проснулся по звонку будильника. Вставать совершенно не хотелось, но было жизненно необходимо. Сегодня первый рабочий день на новом месте. Если опоздать – могут расценить как недисциплинированность и разгильдяйство, или того хуже: неуважение к руководству. Сам Игорь считал опоздание дурным тоном и ярким проявлением пренебрежения к коллегам.

«Половина шестого, – у меня ровно полтора часа в запасе, чтобы принять душ, побриться и позавтракать, – подумал он.– Хорошо, что время намаза не попадает на дорогу до работы».

Последние несколько лет во время намаза создавались большие пробки на дорогах. Правоверные граждане Российской Федерации посередине дороги могли остановить машину, выйти, достать коврик и начать молиться, стоя рядом с машиной. Все остальные были обязаны ждать из уважения к религии и чувствам верующих. Игорь помнил случай, произошедший год назад: спешивший мужчина не проявил уважения и ждать не захотел, вылез из машины, и откинул в сторону правоверного гражданина. За это он тут же был избит другими благочестивыми россиянами, которые решили, что ради такого дела молитву можно и отложить. Аллах поймёт, в конце концов, это для того, чтобы в следующий раз ни у кого и мысли не возникло прервать молитву во славу вседержителя. В итоге не имеющий уважения к религии был затоптан насмерть.

Суд по оскорблениям чувств верующих собирался быстро и также быстро выносился приговор. Вердикт суда, конечно, был в пользу людей богобоязненных и оглашён вечером того же дня. Погибший из-за кощунства и несдержанности был обязан: уплатить штраф за оскорбления чувств верующих, оплатить моральный и физический вред прервавшим намаз, а также судебные издержки. И ничего необычного тут не было: россиянам не рекомендовалось иметь при себе наличность. Все сбережения должны быть на банковском счете, а в случае смерти гражданина, счет тут же опустошался, и деньги шли на оплату штрафов или иных долгов перед государством. Если гражданин России такого счёта не имел, долги и штрафы должны были уплатить родственники.

Игорь считал, что это правильно. Все деньги на виду у государства и коммунальные задолженности теперь никто скрыть не сможет. А соседям – не надо платить за должников.

Игорь залез в ящик шкафа, достал трусы и футболку и направился в ванную.

Девушки, появлявшиеся у него в квартире, оставались недовольны совмещёнными удобствами, считая, что некоторые вещи должны оставаться личными даже после секса. Игорь вынужденно признавал, что некоторые ситуации выглядели пикантными.

В современных квартирах, совмещенный санузел был редкостью, но Игорь современной квартирой не обладал. Эту жилплощадь – от уже не существующего государства, – получил его дед, и по наследству она досталась отцу. Когда Игорь отметил свой двадцать первый день рождения, родители решили, что ему необходима своя квартира. Отец тогда сказал: «Я не изувер загонять тебя в ипотечное рабство» и оформил документы на Игоря. Сами родители купили домик под Питером и наслаждались деревенской жизнью, но со всеми современными и

раздельными удобствами. Игорь любил у них бывать. Там отдыхал от города в тишине и покое, наслаждался воздухом и природой, ходил с матерью по грибы, а с отцом на рыбалку. Он не переставал удивляться: стоит отъехать всего несколько десятков километров от мегаполиса и кругом уже другая жизнь. Или лучше сказать – другой уровень жизни.

Пока родители занимались ремонтом и благоустройством домика, они жили здесь. Закончивший институт, и устроившийся на работу Игорь, раз квартира теперь его, платить за неё хотел сам. Отец с энтузиазмом и хитрой ухмылкой поддержал его, но мать была категорически против этой идеи. Сошлись на том, что платить будут поровну.

Он положил свежее бельё на унитаз, снял трусы и, швырнув их в сторону стиральной машины, залез в ванну. Как и многие мужчины, Игорь рассудил, что отлить можно и под душем: время сэкономишь, да и вода нынче дорогá.

Горячая вода всё ещё была, но для очередной профилактики её могли отключить в любой момент. Обычное дело в это время года. Игорь встал, запрокинул голову и направил душ себе в лицо. Пока он стоял под бьющими по телу струями тёплой воды, он подумал, что таким потоком хлестали алкогольные напитки, когда уехали родители и он отмечал начало самостоятельной жизни. Шампанское, пиво, водка, коньяк и, что скрывать, самогон – лились рекой. Это был единственный в его жизни запой, и больше он себе такого не позволял. А если говорить откровенно, то не испытывал к этому ни малейшего желания. Нет, выпить он мог, но лишь по вескому поводу и чуть-чуть.

Игорь вылез из ванны, растёрся махровым полотенцем и натянул чистое бельё. Взяв с полочки бритву и пенку для бритья NIVEA, он развернулся к зеркалу, откуда на него смотрел темноволосый, коротко стриженный парень с голубыми, но покрасневшими от недосыпа глазами.

– Да, старик, отвык ты в такую рань вставать... – счел он нужным сообщить своему отражению. – А что делать? Деньги пока ещё есть, но штраф за тунеядство, названный почему-то налогом, никто не отменял. Даже, наоборот: с каждым годом сумма увеличивается, а что налог берётся с дохода, а не с безработицы – предпочли забыть.

Теперь бывшие высокопоставленные чиновники – все как один, – после того как их по разным причинам увольняли, оказывались больны серьёзными болезнями и не могли больше трудиться. Болезнь они подхватывали, находясь на государственной службе. Им приходилось переживать из-за той ответственности, что несла с собой каждая их подпись; они испытывали колоссальную нагрузку на мозг, когда придумывали новые законы для простого народа, – поэтому болезни приравнивались к производственным травмам и вредности и оплачивались ежемесячно в шестикратном размере.

Несколько лет назад, они – в порыве заботы о людях, – законодательно взвалили на свои «хрупкие» плечи и желудки обязанность по уничтожению санкционных продуктов и алкоголя. Родина бдительно стояла на страже границ, и ни один санкционный продукт не попадал на прилавки обычных магазинов. Но западники были хитры, коварны, а продукты, тайным контрабандным путём, сразу проникали в столовые – депутатов, правительства, других министерств страны. Исходя из этого, становилось понятно: быть высокопоставленным чиновником и депутатом в нашей стране – опасно для здоровья и жизни.

Болезни, безусловно, были заразны, так как все родственники и близкие друзья чиновников, тоже оказывались больны и не могли работать, что подтверждал ворох медицинских документов о тяжёлой форме инвалидности. Причём более молодые граждане, всё больше страдали

умственными расстройствами, что не мешало им иметь бизнес и недвижимость за границей, но освобождало от налога на безработицу и делало их неподсудными.

Кроме этого, инвалидность освобождала от участия в программе финансирования медицины, которую в народе «окрестили» – налог на медицину. Игорь был не против того, что из зарплаты вычитали пять процентов на медицинские учреждения, но, честно говоря, не видел в этом никакой пользы для здравоохранения.

Когда приходишь в поликлинику, надо отстоять очередь на приём к врачу. После этого, за свои деньги необходимо сдать анализы, порой пройти другие процедуры – для лучшей постановки диагноза, как говорят врачи, – а за них тоже надо внести плату, иначе ожидание затянется на месяцы, а затем покупать совершенно ненужные лекарства, которые врач выписал потому, что пациент плохо объяснил ему свои жалобы. А причина этого, не так давно введённое, правило о том, что время приёма пациента не должно превышать семи минут. Игорь порой задавался вопросом, как пожилой человек может точно и понятно изложить за семь минут все свои болячки, – это и молодому-то не просто. Да и получить конкретные рекомендации времени не хватало.

В больнице за палату и лекарство тоже приходилось платить, и лишь услуги медсестёр оплачивались из «блестящей» программы финансирования. Поэтому, вероятно, уколы пониже спины они вкатывали с таким большим изъяснением «благодарности», что пациенту – в лучшем случае пару часов, – было неудобно сидеть. А причина была в том, что программа субсидирования, как говорили по телевидению и писали газеты, полностью себя оправдала, но в реальности всё обстояло по-другому. Зарплата персоналу *почему-то* – практически не увеличилась, нового оборудования не появилось, и оформление больниц и поликлиник осталось не на высоком жизнеутверждающем уровне.

Как бы там ни было, но последние годы Игорь предпочитал ходить в платные больницы. Там, конечно, тоже имели место обследования для лучшей постановки диагноза за деньги клиента, но, за чуть большую сумму, обслуживание он получал более внимательное, приятное и доброжелательное. Правда, пока не заканчивались деньги.

«Жаль, что граждане, предпочитающие платную медицину, не освобождаются от программы финансирования...» – подумал Игорь с досадой, провёл по гладковыбритой щеке рукой и, удовлетворённо кивнув своему отражению, вышел из ванной.

Он прошлёпал босыми ногами по линолеуму на кухню, открыл холодильник и застыл перед ним в раздумье: что же себе приготовить на завтрак?

Сегодня он решил остановить свой выбор на помидорах и сыре, хотя сам Игорь считал, что завтрак для рабочего дня должен быть более питательный и калорийный: жареные яйца и колбаса. Вот только эти продукты надо было покупать в «продбуте», а он решил, что это для него непозволительная роскошь. Сейчас Игорь об этом пожалел. От покупки колбасы и яиц в новомодном магазине, на его счету немного бы изменилось.

«Продбуты» – продовольственные бутики, появились два года назад. Депутаты, что сидели без дела после борьбы с виртуальным пространством, обратили своё внимание на то, чем питаются граждане. В первую очередь им не понравилось, что большинство колбасной продукции было сделано из непонятной субстанции. Заботясь о благе граждан, слуги народа очередным «мудрым» законом решили запретить продажу колбас или иных мясных изделий, изготовленных из менее восьмидесяти процентов мяса. Благодаря очередной «благодой» инициативе цены увеличились, и качество продукции оценить смогли далеко не все.

Но депутатам вдруг понравилось заботиться о народе, и остановить их «благие» начинания было практически невозможно.

Прошёл месяц, и кто-то из депутатов вспомнил, что многие врачи уже давно говорят о вреде для человеческого организма бараньего мяса.

Электронные СМИ в новостях рассказывали, что в кулуарах Думы ведутся нешуточные споры о пользе и вреде баранины. Большинство вопросов относилось к здоровью пожилых людей, которое баранина могла укрепить, но и подточить. Окончание всем спорам положил депутат с медицинским образованием, заявив, что баранье мясо сильный аллерген, пожилым людям его всё же лучше избегать, а также тем, у кого больны печень, почки, что баранина ведёт к развитию артрита и заболеваниям сердца. Особенно у людей, отягощённых лишним весом, а поскольку большинство населения имеет лишний вес, но не имеет специальных знаний в выборе баранины, то этот потенциальный источник опасности лучше изъять из продажи. Закон приняли быстро. Баранину теперь можно было употреблять только по религиозным причинам и только мусульманам. У них, благодаря веками складывавшимся традициям, были специализированные знания в выборе нужного барана.

А через несколько месяцев очередь дошла и до курятины, накачанной антибиотиками и химикатами, как культурист стероидами. Каждую неделю в магазины и на рынки зачастили комиссии контроля качества, санэпидемстанций и пожарной охраны. Торговые компании, владельцы магазинов и рынков пребывали в удивлении и шоке: договориться, как это всегда бывало раньше с проверками, не получалось. Комиссии раз за разом находили нарушения в торговле, пожарной безопасности и несоответствующие качеству товары. У супермаркетов штрафы с каждым новым найденным нарушением росли, а маленькие магазинчики закрывали сразу.

Наконец настал день, когда по центральным каналам телевиденья выступил заместитель председателя Совета безопасности страны. Он заявил о том, что государство объявляет мораторий на торговлю мясными продуктами и так называемым *элитным алкоголем*. По итогам проверок и «заграничный» алкоголь, и мясные изделия, и само мясо – не соответствуют российским стандартам качества, и в связи с этим опасны для здоровья граждан. «Человек, – сказал он, – должен быть здоров и трудится на благо своей страны и семьи, а не лежать по больницам, по крайней мере, до того времени пока не выйдет на пенсию». Как и в былые времена, в конце выступления он пожелал удачи, здоровья и держаться крепче, правда, за что – не уточнял.

Мясо без антибиотиков и гораздо дешевле, чем на рынках и в магазине, можно было купить в частных хозяйствах, но в последнее время свинину без разбору косила чума, говядину – бешенство, а курей – птичий грипп. С каждым годом, зараза проникала всё дальше и в такие отдалённые уголки страны, про которые далеко не все слышали. Непатриотичные слои населения утверждали, что это не правда, что мясо под предлогом уничтожения свозится на кремлёвские склады. В ответ на это, руководство страны предоставляло видеоотчёты об уничтожении туш огнём, а не членами правительства и депутатами.

Игорь тоже брал мясо в деревне – у родителей. Правда, была это только курятина. За два года до этого отец и мать решили разводить уток и кур. Утки оказались «капризными» и не прижились, но зато курицы оказались неприхотливы, и родители всегда имели яйца и курятину, а немалая часть перепала и Игорю. Теперь отец охранял курятник по ночам от желающих отведать диетического птичьего мяса, но беда пришла откуда не ждали: в деревню нагрянула санэпидемстанция с росгвардией. Они и конфисковали всех кур вместе с яйцами.

Отец пытался с ними спорить, и росгвардейцы пригрозили, что заберут его вместе с курами. Он утверждал, что в магазинах остались продукты гораздо более вредные, но ему сказали, что со временем доберутся и до них, и он замолчал, опасаясь, что скоро в магазинах не останется вообще ничего. Отец расстроился до запоя. Пил несколько дней, говорил только о том, что история развивается по спирали, а продразвёрстка уже вернулась. Когда прекратил пить, понял, что дешёво отделался: у соседей забрали не только кур, но и свиней и даже корову. А вот бараны ничем не болели, но их мясо никто не продавал, никто не осмеливался нарушить государственный мораторий, что очень удивляло Игоря. На мусульманские праздники правоверные привозили ягнят, резали их, но продавать – не продавали. И Игорь пришёл к крамольному выводу: в данной ситуации быть всегда обеспеченным бараниной, – это несомненный плюс мусульманства.

Из тех, кого Игорь знал, довольных мораторием не было – друзья и соседи вполне оправданно боялись выпускать своих кошек и собак на улицу, – но экран телевизора был заполнен счастливыми людьми, особенно пенсионерами. Телевидение на время забыло политические ток-шоу про нелояльные к России, и оттого, «загнивающие» страны. Радостные и полные энергии старички-пенсионеры заявляли, что теперь, не употребляя мясных и других вредных продуктов, богатых калориями и холестерином, могли бы поработать и ещё! Ведь важно не то, что страна может сделать для тебя, а что ты можешь сделать для своей страны. По их словам, государство мораторием на мясо сделало для них невозможное: вернуло им здоровье. Ушли в прошлое проблемы с сердцем, в норму пришло давление, пропала излишняя тяжесть в желудке, одышка, не изводят головные боли, вернулась память и теперь они помнят всё, что было раньше, да и многие другие негативные последствия употребления мяса – исчезли вместе с ним. И самое главное: теперь у них оставалось достаточно денег на счету для оплаты коммунальных услуг без задержек!

Но, несмотря на счастливых пенсионеров, по стране пошли марши протеста из более молодых граждан, которые пока ещё ничем серьёзным не болели, ничего не забывали и были не согласны с вынужденным вегетарианством. Росгвардейцы крепко стояли на страже покоя и порядка в стране, так что манифестантов быстро вразумили.

Президент заявил, что изъятие мясных продуктов из продажи было ошибкой, и заверил в том, что по просьбе граждан мораторий снимут. Президент своё слово не нарушил, не больше чем через неделю мясо вернулось, но ни на рынках, ни на прилавках обычных магазинов оно не появилось. По стране как грибы после дождя, росли и раскрывали двери покупателям продовольственные бутики. Люди были так рады, а вышедшие на протестные шествия так собой горды, что не обращали внимания на такие мелочи как название магазина. Важно, что правительство пошло на уступки!

В бутиках было всё: мясные изделия, мясо птицы, свинина, телятина и говядина, а также дорогой алкоголь с иностранными этикетками. Однако цены были в несколько раз больше, чем раньше в магазинах.

Вскоре в сети появилась информация о том, что бутики принадлежат кому-то олигарху или кому-то из правительства, а может быть и самому президенту, – ведь у него как раз заканчивался последний срок. Игорь был согласен с утверждением про олигарха, допускал мысль о ком-то из правительства, но насчет президента был не согласен. Что-что, а уж сеть продуктовых магазинов ему точно не нужна. А информация к размышлению, о том кому может принадлежать сеть продуктовых бутиков, из сети бесследно исчезла к вечеру того же дня.

Через несколько месяцев в «продбутах» снова подняли цены, и ввели лимит для безработных: закупаться не больше трёх раз в месяц. Если ты работаешь, можешь оставить там всю зарплату, это никого не волновало – лишь плати по счетам вовремя, – но если ты безработный и покупаешь там больше трёх раз в месяц, налоговая служба тобой обязательно заинтересуется. У Игоря лимит ещё не вышел, да и работа теперь была, но он не любил эти магазины. По большому счёту это были магазины для «сливок» общества – «элиты». Продавцы смотрели на простых смертных так, что они ощущали себя грязными бродягами, случайно попавшими на вручение Нобелевской премии. Игорь именно так себя и ощущал, и был уверен, что другие не исключение.

Как-то один возмущенный мужчина задал вопрос чиновнику: «Почему не вернуть мясо в магазины, пусть и чуть дороже, чем было, или не снизить цены в бутиках?». Ответ чиновника был длинный и расплывчатый, но в заключении он сказал: «В стране идёт борьба с лишним весом, а лёгкое и здоровое питание, которого достаточно в обычных магазинах, только на пользу населению, а если не устраивает зарплата, идите в бизнес».

Игорь это запомнил потому, что в принципе был согласен с тем, что здоровое питание идёт на пользу. Смущало только одно: почему сами депутаты и правительство не заботятся о своём здоровье? Многим бы не помешало перейти на здоровое и лёгкое питание.

Сам Игорь в свои двадцать восемь лет был высок и худощав и считал, что в его стройности есть заслуга людей облечённых властью. За это он был им даже немного благодарен, так как сохранял лёгкость, гибкость и не потел так обильно, как люди с большим весом. Впрочем, таких остается с каждым годом всё меньше.

Игорь даже боялся поправиться, и поэтому продолжал курить. Он с детства полюбил запах табака и сигаретного дыма, а курить начал десять лет назад, когда простудился. Болезнь пришла не вовремя, и Игорь испробовал всё, чтобы избавиться от неё: шипучие порошки от простуды и гриппа, чай с малиной, спрей для носа – ничего не помогало. И тогда всплыло воспоминание из детства. Простывшим семилетним мальчишкой, он сидел с дедом и его друзьями на кухне. Слушая их разговоры, Игорь чувствовал себя если не взрослым, то точно повзрослевшим. Дедушка и друзья выпивали и ругали эти времена, говорили, что жизнь стала другой, вспоминали прошлое, и грустили, что их время прошло. И курили. Часто. Форточку не открывали, чтобы Игоря ещё больше не продуло. Тогда он и почувствовал, как от серо-голубого табачного дыма, что висел в кухне, нос, заложенный уже несколько дней, начал дышать. Это было удивительное чувство облегчения и радости, и он впервые за несколько дней перестал ощущать себя несчастным и больным. Вечером мать Игоря долго выговаривала деду за то, что курили при ребёнке да ещё так сильно, но дед только отмахнулся и сказал, что не стоит выращивать из мальчишки орхидею. Игорь был с ним согласен и в радостной эйфории выздоровления приводил свой главный аргумент в защиту деда: «Мама, посмотри, мой нос больше не сопатит!». Никто не верил в целительную силу сигаретного дыма, да и сам Игорь сомневался, но проверить ещё раз у него не получилось. Через полгода дед умер.

После неудач с порошками и спреями, Игорь обратил внимание на советы знакомых. «Купи водки, выпей стакан, остальным разотрись или оставь на утро» – говорили они. Игорь купил пол-литра, а ещё прихватил пачку сигарет. Он решил, что от курения самому эффект будет лучше, чем от сигаретного дыма и надеялся, что вернётся детское чувство радости и облегчения от уходящей болезни. Запах сигаретного дыма показался ему не таким приятным, когда куришь сам, но когда вторая сигарета подходила к концу, почувствовал как заложенность уходит и нос наконец дышит лёгким морозным воздухом. Он пришёл домой, выкурив

четыре сигареты по дороге, выпил, через силу, стакан ещё прохладной водки и попросил отца растереть его. Но перед натиранием выкурил на балконе ещё одну сигарету. Мать была не в восторге от этой его выходки, но Игорь заверил её, что это всё только ради лечения, и он сразу бросит, когда поправится. Может быть, так бы и было: простуда через два дня прошла, но вот нос дышать без помощи сигарет никак не хотел. И он курил – немного: три-пять сигарет в день. Через месяц, когда земля пробудилась от сошедшего снега, Игорь почувствовал весенние запахи, но без сигарет обходиться уже не мог.

Теперь каждую субботу и воскресенье он обещал себе, что с понедельника уж точно бросит, но всякий раз удавалось себя убедить, что от одной утренней сигареты вреда не будет, а мысли соберутся. Пока Игорь курил, мысли действительно собирались, и среди множества серых и будничных была одна – яркая и назойливая: эту неделю надо морально готовиться к тому, чтобы со следующего понедельника точно бросить, а пока курить как можно меньше – две-три сигареты в день. Но каждый вечер понимал, что выкурил почти полпачки. Тогда он строго себя ограничивал, и всю оставшуюся неделю ежедневно курил не больше пяти сигарет. Вот только с понедельника бросить всё равно никак не получалось. С начала следующей недели заколдованный круг начинался сначала.

В выборе метода борьбы с курением Игорь не совсем понимал политику государства. Он считал, что если решили бороться с курением, то лучше закрыть фабрики по производству сигарет, а не давать поводов для инсинуаций распространяемых оппозицией. По их мнению, правительство ни столько заботилось о здоровом образе жизни и отказе от курения, сколько наживой на акцизе, дороговизне сигарет, и штрафах за курение в неположенных местах. Игорь в это верить не хотел, но давно заметил, что мест разрешённых для курения, с каждым годом остаётся всё меньше и меньше, и червячок сомнения с каждым днём подтачивал его убеждения всё больше и больше.

Курить было запрещено даже в своей квартире. Везде стояли дымоуловители, и по сигналу быстро приезжала бригада МЧС. Если сигнал сработал по причине пожара, они тушили, – когда в наличии была вода, – а вот если дымоуловитель сработал от сигареты, тут же накладывался штраф. Многие умельцы пытались бороться со злонесущей коробкой, висящей на потолке, и если первые модели можно было отключить, вынув батарейки или отсоединив проводок, то позже был выпущен уже другой вариант устройства. Детектор дыма теперь подключался от электропроводки, а на случай отключения электричества у него были мощные батареи, которых хватало на месяц работы. Если его пытались вскрыть или разбить он тут же самоликвидировался, отсылая с последним вздохом сигнал в Росгвардию.

После этого приходилось платить штраф и покупать новый, а стоил он недёшево. Сотрудники Росгвардии привозили прибор с собой и сразу прищипливали его к потолку, подключали, а тебе вручали счёт ещё и за установку. Если денег не было, то гражданину выдавался кредит. Игорь не знал ещё ни одного случая, когда бы росгвардейцам его не вернули. Вариант курить в туалете или ванной не рассматривался – в вентиляции тоже стояли детекторы дыма.

Игорь скинул с пластиковой разделочной доски нарезанные помидоры на сковородку – слегка обжарить, и достал из холодильника заскорузлый кусочек сыра «Гордость России».

«Импортозамещение, конечно, хорошо, но сыр вроде наш, а стоит дороже голландского, – с горечью подумал он, натирая сыр.– Да и на вкус не очень... Всё же конкуренция, способствовала качеству».

Он подождал, когда сыр хоть немного расплавится и снял сковородку с огня. На её место поставил чайник и достал из навесного шкафчика стограммовый пакетик кофе «Nescafe». Несколько месяцев назад, перед тем как закрылся магазин, где он работал консультантом, Игорь получил зарплату и купил три пакетика кофе. Один он открыл сразу и наслаждался чёрным напитком каждое утро, пока пакетик не закончился, а два других берёт уже несколько

месяцев, именно для утренних завтраков перед работой. Этот волшебный напиток бодрости помогал быстрее прогнать остатки сна и зарядиться энергией для рабочего дня.

В обычные дни он пил российский кофе, который тоже выпускался по программе импортозамещения. Толку от отечественного напитка было немного, вкус тоже своеобразный, так как производили его из сои, ячменя, желудей, каштанов и ещё каких-то смесей, но по телевизору говорили, что он гораздо полезней для организма и уж точно не наносит вред **сердцу**.

Натуральный кофе не попадал под санкции, он попал под пресс здорового образа жизни. Продавался в магазинах, но стоил очень дорого – в отличие от российского кофе. Иногда Игорь задавался вопросом: «Почему товары, наносящие вред здоровью, стоят дороже? По логике – они должны стоить дешевле. К тому же, если я загублю здоровье, я потрачусь на лекарства». Но ответа не находил...

Чайник закипел, Игорь выключил газ, но готовить кофе не торопился. Сколько себя помнил, он, за редким исключением, никогда не заваривал кофе кипятком, но водопроводную воду считал – вскипятить необходимо. Игорь снял хромированную крышку чайника: он полагал, что так вода приостынет быстрее, и сел доедать свой лёгкий и здоровый завтрак.

Когда с помидорами и сыром было покончено, Игорь поставил тарелку в мойку и посмотрел на часы.

6:14

«Отлично, – подумал он, – как раз есть время насладиться чашечкой кофе и полистать новости». Игорь подумал выйти на балкон и покурить, но решил это сделать после нескольких глотков кофе.

Пока «ноут» грузился, он начал священнодействовать, приготавливая себе кружку напитка, о котором мечтал уже несколько месяцев.

«Винду» не настигло импортозамещение потому, что всё выпускаемое российскими программистами было тяжеловесным, а по сути, являлось той же самой системой Windows, но только с различными вариантами интерфейса, – порой излишне накрученных и мозгодробительных до такой степени, что с ними не мог справиться и их создатель. Сколько не придумывали, ничего более достойного не выходило. В связи с этим Игорь решил, что зарубежные пропагандисты правы: лучшие мозги утекли из России ещё в девяностых – начале двухтысячных, а от себя добавлял, что современное образование убило ещё несформировавшиеся мозги и их нестандартные идеи.

Хотя в стране всё ещё более половины компьютеров работали на пиратских копиях Windows, Microsoft не хотел терять такой обширный рынок и с учётом того, что пиратства в России становится всё меньше, пошёл на соглашение с властью. Фирма открывала все секреты своих изделий, а росгвардейцы обязаны были строго следить за тем, чтобы нигде не использовались пиратские копии продуктов «Майкрософт».

Windows 15 загрузилась, и на рабочем столе выскочило число и время:

13.06.2026.

6:15

Игорь залил кофе горячей водой и, подгоняя пальцами к лицу дымок, вьющийся над чашкой, втянул аромат носом, прикрыв глаза.

При первичной регистрации в РИОнет, паролем для входа становился идентификационный номер любого документа удостоверяющего личность. Выйти в традиционный Интернет

можно было только с помощью коммерческих vnp-сервисов, которые сотрудничали с российскими силовыми структурами и отчисляли ежемесячную сумму государству. Из-за этого для пользователей РИОнета оплата за услуги сервисов выросла до пятидесяти долларов в месяц, что очень сократило число юзеров.

Игорь и сам некоторое время пользовался vnp-ами, поскольку отсутствие конкуренции убило качество лицензионных онлайн-кинотеатров. Девяносто процентов контента было платным, причем за уютный просмотр в окружении домашних стен надо было заплатить в три раза больше, чем за поход в кино, но после оплаты фильм грузился долго, вылезала реклама, а также навязчивое предложение оплатить vip-доступ, чтобы от этого избавиться. Если страница зависала, приходилось обновлять и с тебя опять требовали деньги. Никакие претензии не принимались, потому что такого, по мнению владельцев сайта – просто не могло быть. Пользователи пытались судиться с ними и некоторые возвращали свои деньги, но после этого говорили, что выиграть суд – даже с доказательствами – такая морока, что больше никто не хотел связываться. Было проще воспользоваться виртуальной частной сетью. Но когда пришло предупреждающее письмо о том, что это, возможно, он посмотрел нелегальную копию фильма «Ёлки 14», Игорь принял решение, что сервис не оправдывает таких вложений.

Систему TOR, что он запускал несколько раз, тоже отследили и прислали еще одно письмо, где сообщалось: если будет зафиксирован третий выход тора, в его компьютере и квартире будет произведен обыск. Правительство считало, что законопослушному гражданину скрывать нечего, а если он запускает анонимное сетевое соединение, то значит, хочет что-то скрыть и уже поэтому является правонарушителем. Игорь подумал и перестал им пользоваться. Мало ли что решат: запишут в маньяки или террористы, – или не дай бог! – заподозрят в педофилии!

Знакомый парень Лёнька из соседнего подъезда, плюнул на эту бумажку и продолжал смотреть и качать фильмы. Долгое время его и, правда, никто не трогал, пока он не посмотрел новый отечественный блокбастер с рекламным слоганом: «Земные мужики – козлы, любите девочки инопланетян» мэтра и корифея отечественного кино Феодора Бондарчуковского. Вот тут-то и грянул гром. Приехали росгвардейцы, и дом был оцеплен. ОМОН метнулся на третий этаж и вышиб дверь Лёнькиной квартиры, а его самого вывели из подъезда с заломленными за спину руками. Приговор был вынесен буквально через два дня. Леонид был обязан заплатить штраф за несанкционированное программное обеспечение, а также за нелегальный просмотр фильма «Притяжение б».

После этого Лёнька пил неделю, тыкал исполнительным листом всем встречным в лицо и кричал; «Корифей он, подумаешь цаца! Метр он сука, надо же Феодоор... А мне теперь – пять лет за бесплатно работать!». Для себя Игорь решил сразу, что российское кино не стоит таких перипетий в жизни. В кинотеатры он ходил только с девушками, на лицензионные диски не тратился, в основном из-за их неоправданно высокой стоимости, и был рад, что правообладатели не увидят его денег. К своему стыду он понимал, что эта мысль вызывает у него злобное удовлетворение.

Игорь сел за стол, поставил перед собой кофе и включил браузер. Российская информационно-образовательная сеть в большинстве случаев отдавала предпочтение российским новостям. В этот раз, как и всегда, первая новость была о временно исполняющим обязанности президента: «Владимир Путин продолжает искать себе преемника».

Когда подошёл к концу третий срок, депутаты и правительство попросили его остаться хотя бы для подготовки и обучения нового президента, которого ещё не было. Владимир Владимирович заявил, что надо спросить мнение народа.

Народ, во время прямой линии, со слезами на глазах просил президента ни уходить, ни бросать свой пост и не оставлять их на произвол судьбы. Владимир Владимирович расчувствовался и, плача, сказал, что для соблюдения всех норм демократии, нужно ещё провести и выборы, чтобы уж точно все могли высказаться, кого они хотят видеть президентом.

Выборы состоялись через месяц, конкурентами были извечные соперники: Геннадий Зюганов и Владимир Жириновский.

Приходившему в себя после инсульта Зюганову, лежащему на больничной койке под капельницей, урну для голосования доставили в палату. Двигая выразительно глазами, он с трудом прошептал несколько звуков, и, как объяснил его помощник: Геннадий Андреевич потребовал установить её в коридоре, чтобы смогли проголосовать и другие больные. Диктор за кадром мгновенно пояснил, что Геннадий Андреевич, по всей видимости, ещё не окончательно пришёл в себя, поскольку не вспомнил, что находится на излечении в противной коммунистическим идеям капиталистической стране.

Владимира Жириновского на участок для голосования привели под руки соратники по партии. После того как он опустил лист в щель урны, она начала его благодарить и старичок, видимо, что-то вспомнил, приосанился, а в глазах вспыхнул прежний неудержимый огонь. Он начал кричать, что кругом подонки и всех ждёт Колыма и Магадан, что он лучше всех знает, как управлять государством, и кому дать литр водки, а кому дать в морду, что он сейчас и сделает, только немного отдохнёт. Потом кричал, что президент США Джордж Буш тварь и козёл, пастух, который может только коровам хвосты крутить, а не управлять страной. Как только его, лидера Великой Партии, выберут президентом, – что однозначно! – он это всем докажет: завоюет Америку, и пройдет вместе со своей победоносной армией до Индийского океана. Владимир Вольфович ещё что-то бормотал, но вспышка былой энергии быстро его утомила, и он уснул на руках сопровождающих.

Пока шла подготовка к выборам и подсчёт голосов после них, Владимир Путин прокатился на подводной лодке, выловил многострадальную, многокилограммовую щуку и вроде бы, даже полетал на сверхзвуковом самолете. С последним многие злые языки были не согласны. Они считали, что в силу возраста это не возможно, что фото и видео – явный монтаж. Владимир Владимирович не оправдывался и не опровергал их слов, он только ласково и иронично улыбался, а злые языки начали резко пропадать, пока не умолкли совсем.

Наконец, подсчёт голосов завершился, и при стопроцентной явке, за исполняющего обязанности президента Владимира Путина было отдано сто шестьдесят шесть процентов голосов.

Возникла небольшая неловкость. Исполняющий обязанности президента заявил, что, конечно же, накажет тех, кто подсчитывал голоса, но победа, несомненно, осталась за ним, и он с большой ответственностью, несмотря на свой пенсионный возраст, вновь поднимется на эти «галеры». Что не сделаешь ради своего народа, который так ему доверяет и не мыслит прожить без его чуткого руководства. В конце своей речи Владимир Владимирович так расчувствовался, что едва сдерживал слёзы, стоявшие у него в глазах.

Теперь, когда его спрашивали о преемнике, он улыбался, показывая все свои новые зубы, и отвечал, что как только так сразу, а потом серьёзно заявлял, что с управленцами в стране полный швах, а уж с управленцами страной – дела совсем хуже некуда.

Председатель правительства – на роль преемника уже не рассматривался. После того как он переболел китайской заразной болезнью, врачи очень беспокоились за его состояние, а интернетовские недоброжелатели сразу домыслили причину беспокойства. Со слов самих врачей и министра здравоохранения было известно, что китайская зараза не уходит из организма полностью, а задерживается в кишках или мозгах. Именно в мозгах, по словам недоброжелателей, и произошли изменения у главы правительства. Игорь был категорически не согласен с этими крамольными доводами, но вынужденно признавал, что с главой что-то не так.

Он словно бы оторвался от реальности. Постоянно рассуждал о реформировании налоговой системы, – видно, сказывалась прошлая специализация, – или о том, что экономику надо поднимать, а потому вводил новые налоги, штрафы, а нарушения, за которые взималось наказание, каждый месяц придумывались всё новые и необыкновенные. Игорь порою думал, что премьер забывает, в какой стране живёт и что народное благосостояние совершенно не соответствует обеспеченности его окружения.

Бывший глава правительства тоже не рассматривался президентом как приемник. Когда Нанопремьер подал в отставку, президент, не желая расставаться со своим визирем, создал для него величайшую синекуру – заместитель председателя Совбеза. Там экс-премьер сразу же возложил на себя обязанности следить за безопасностью в интернете, а после этого его никто и никогда не видел без очередного гаджета. При этом он отвечал невпопад, иногда на вопрос, что ему задавали несколько минут назад, а иногда не отвечал вовсе, поскольку не слышал и вопроса. На заседаниях, после ночных публикаций в своём неприкосновенном блоге, часто спал, что ему прощалось. Иногда был занят новеньким гаджетом и погружён в виртуальную реальность. Проверять может ли он из неё выйти, а тем более подшучивать над ним, осмеливался только президент.

Следующая новость была неприятна, и в ней сообщалось: каждый гражданин России обязан быть сознательным и три процента зарплаты отчислять на благоустройства Крыма, а также строительство нового пешеходного моста через Керченский пролив. Это будет самый длинный пешеходный мост в мире! На нём люди смогут в полной мере наслаждаться красотами моря, устраивать народные гуляния, ярмарки, а для молодожёнов откроется огромное пространство для провидения свадебных традиций: навешивание замков, разбивание бокалов, возложение цветов и ношение невесты на руках женихом, а в отдельных случаях и жениха невестой. Кроме этого, нужны деньги и на реставрацию автомобильного. Журналисты писали, что мост был построен из не совсем качественных материалов и уже порядком износился. И наконец: Керченские мосты поднимут престиж России на новый недостижимый уровень, и каждый россиянин, у кого будут вычитаться три процента, сможет с полным правом заявить, что принимал участие в их строительстве. После таких заявлений, Игоря постоянно мучил вопрос: по словам и.о. президента во многих новостных статьях, мы и так на недостижимом уровне, – куда же мы тогда поднимаемся?

Крымчане, по некоторым данным, уже не очень радовались тому, что Крым стал принадлежать России, и писали в соцсетях, что они обманулись в своих ожиданиях, и другие негативные высказывания. После трёх-четырёх таких негативных комментариев, хозяин странички в соцсеть уже не заходил. Утверждали, что это из-за «пакета Яровой»: именно с его помощью вычисляется такой недовольный гражданин. Получалось, слова ренегатов сбывались, и этот закон контролировал РИОнет, а не помогал вычислять преступников, как пропагандировалось в СМИ.

Несколько лет назад в Москве начались митинги, конечно, несанкционированные, за свободу частной жизни и против слежки в виртуальном пространстве. СМИ пели дифирамбы закону и пытались успокоить несознательных граждан, а телевидение с помпой объявило, что с помощью законопроекта задержали двоих террористов. Ренегаты Отчизны высказывали сомнения в помощи, требовали доказательств и утверждали, что такими способами пытаются оправдать введение этих законов и успокоить волну негодования среди молодёжи. Пресса не обращала на них никакого внимания и продолжала восторгаться пакетом законов, и особенно мудростью правителей его принявших. Тогда злые языки перерожденцев заговорили о том, что с помощью «пакета Шапокляк» следят только за обычными гражданами, а террористы как общались, так и общаются, и назло силовым структурам ни слова не говорят о своих преступных намереньях. СМИ, наконец, обратили на них внимание и назвали глупыми юнцами, что поддались проискам западной пропаганды. Дискуссия продолжалась недолго, и разгореться не

успела. Как только закон заработал в полную силу, споры быстро сошли на нет. Игорь в эти измышления верить не хотел, но сомнения с каждым днём всё больше его одолевали. Давно создавалось впечатление, что «голубая» мечта российских силовых структур: получать по максимуму, работать по минимуму, а человек стучит сам на себя. Видимо, это и было одной из главных причин введения в действие «пакета Яровой».

Он взял чашку в руки и сделал глоток кофе. И сразу второй. Игорь хотел вознаградить себя за долгое ожидание и сделал напиток крепким: побольше кофе, совсем немного сахара и горячая, но не кипящая вода. Он почувствовал, как кофе прошёл по пищеводу, опустился в желудок, и там разлилось приятное тепло. Потом пришло ощущение, что кровь по венам и артериям побежала быстрее, а сердце, будто очнувшись ото сна, забилось сильнее, ровней и чётче. Игорь сидел и, закрыв глаза, наслаждался моментом.

Полиции опять грозила реформа, правда, небольшая, но дорогостоящая. Прежде всего, её опять переименуют. Новое название будет звучать как исконно русское: Росопричина. Так, или почти так, называли первые войска охраны правопорядка на Руси.

К новому названию прилагалась и новая форма, состоящая из спортивных штанов со знаками различия и «толстовки» с капюшоном. Различные расцветки и нашивки на капюшоне позволят ему исполнять роль головного убора, который многие полицейские теряют по различным причинам. В такой форме будет привычно и удобно находиться на службе, бегать за преступниками, если очень жарко можно снять куртку, – ведь знаки различия на трико покажут людям, что перед ними не простой гопник, а обличенной государственной властью госслужащий. Форму, по традиции, будет разрабатывать известный модельер, и именно на неё уйдет большая часть выделенных денег. Зимнюю форму одежды пока не продумали, но сообщали, что постараются учесть все пожелания новоиспечённых росопричников.

Игорь подошёл к холодильнику и посмотрел на пачку сигарет. Он вспомнил, как поначалу брезгливо брал пачку в руки. Ему казалось, что пальцы коснутся сейчас не гладкой плёнки, а погрузятся в тёплые развёрзнутые раны этих картинок. В сердце с дырой; в горло съеденное раком; в кору головного мозга, разрушенную инсультом; в сгнившую от гангрены чёрную плоть. Когда он начинал курить, этих картинок было только две, теперь изображения человеческих страданий и ещё более пугающие диагнозы «украшали» пачку со всех сторон. Только на крышке пачки – на торце – оставалось маленькое место для названия сигарет. Сейчас этой брезгливости уже не было. Он не помнил того момента, когда страх и отвращение исчезли. Просто однажды утром осознал, что спокойно берёт пачку в руки, а чувство брезгливости сменило равнодушие.

Игорь распечатал пачку, понюхал сигареты, ощутив, пусть слабый, но всё же запах табака. Поднял голову и с раздражением посмотрел на дымоуловитель.

«Как было бы приятно сидеть за столом, пускать дым и пить кофе. Так нет же, зараза эта висит, улавливает... А если затянуть его мокрой простынёй, открыть окно, дымить на улицу, может и прокатит? А можно и не мокрой... Попробовать стоит, но не сейчас – времени мало. Пять минут, и пойду травиться на балкон».

Игорь сел за стол и, прихлёбывая кофе, продолжил читать новостную ленту.

Дальше шли обычные, он бы сказал будничные новости.

Очередной высокопоставленный чиновник погорел на взятке. Журналисты сразу выяснили, что этот взяточник запускал руку и в бюджет страны. У чиновников в таких ситуациях сразу открываются ранее скрытые болезни, но на этот раз они выявиться не успели. В связи с усиленным противодействием коррупции в стране, разбирательства по такому поводу шли недолго и жестко, как и обещал исполняющий обязанности президента. После следствия и

домашнего ареста, чиновник, как в последнее время повелось, был отправлен на новую высокооплачиваемую должность с большими полномочиями и возможностями, – видимо, для того, чтобы в будущем не было соблазна брать взятки.

Украина решала: у кого бы ещё занять деньги на войну с сепаратистами и Россией? Так как Европа считала Украину денежным Бермудским треугольником, а Соединённые Штаты упирали на то, что сами должны всему миру, а иначе очень рады были бы помочь, то украинских депутатов посетила гениальная мысль: занять деньги у самой России. Идея обсуждалась в Верховной Раде не один месяц, и с каждым днём всё больше депутатов склонялись к тому, что это верное решение. На вопрос российских дипломатов: «Чем и как вы будете отдавать?», украинцы искренне удивлялись и говорили, что им и так все должны за то, что они вообще существуют, а также служат примером – пусть и негативным – для всего мира, а для России особенно.

Продолжались недельные моления о здоровье патриарха. Он уже месяц маялся желудочными болями. После недельного моления и пожертвований на его здоровье, патриарх, правда, выздоравливал и прилетал на личном самолёте из германской больницы. Он проводил службу о здоровье тех, кто жертвовал, а в первую очередь о тех, кто ещё будет жертвовать. Через несколько дней его вновь косил недуг, и он опять улетал в Германию. Игорь не понимал, почему священники рассуждают о царстве божьем с возвышенным упоением, как о самом большом благе, ждущем нас на той стороне, но сами туда совершенно не стремятся и отмаливают себя и своих коллег до последнего вздоха. Он искренне задавался несколькими вопросами: может они не хотят, чтобы кто-то из «братьев» оказался там раньше? Или они не были такими праведниками, какими себя выставляют и им уготовлено другое место в загробной жизни?

Максим Галкин выложил очередное фото своей супруги. Пугачева в красном супер коротком обтягивающем платье, с очень глубоким декольте, улыбалась ярко-красными губами, а рядом стоял сам Максик с грустным лицом и очень печальными глазами. Под фото была надпись: «Теперь моя Аллочка выглядит младше меня». Комментарий в такое раннее время был один и носил утешительный характер: «Не плачь, Максимка, ещё год-другой и ваши дети будут выглядеть старше, чем их мама».

Игорь улыбнулся, достал сигарету из пачки и направился на балкон.

Прежде, чем закурить, он раскрыл окно на балконе. В лицо ударил прохладный, но уже загазованный бензиновыми парами воздух. То из одного, то из другого подъезда выбегали люди, торопясь на работу. Игорь подумал, что ехать сегодня на метро у него нет ни времени, ни желания. Он решил, что до Невского проспекта, где располагался магазин, можно доехать на такси. Но только в первый рабочий день, только сегодня!

Он хорошо знал народное правило последних лет: хочешь быть в нужном месте в нужное время с помощью метро – выходи из дома за два часа, а то и раньше. В вестибюле подземки, в ожидании проверки на террористическую угрозу, толпились сотни людей. Сначала они проходили металлодетектор, потом рентген – ходили слухи, что смертники глотают взрывчатку, прецедентов не было, но решили подстраховаться, – и только потом можно спуститься на платформу. Игорь считал, что ехать на такси гораздо менее нервозно, гораздо быстрее, хотя и гораздо дороже. Безостановочно дорожающий бензин заставил многих водителей пересесть на городской транспорт, а машины с парковок и из гаражей выкатывать только по очень важным личным и семейным делам. Благодаря этому, городские пробки, – исключая время намаза, – почти не беспокоили оставшихся в строю автолюбителей и их пассажиров.

Игорь стоял с сигаретой в руках и чувствовал, как от прохладного утреннего воздуха по телу побежали мурашки.

«Интересно, что меня сегодня ждет на новом рабочем месте? Скорей всего, такой же дурдом, как и везде... Но вот какой будет коллектив?.. Будут ли симпатичные девушки, или,

как на последнем месте работы – только занудные дурнушки и старые гримзы предпенсионного возраста?»

Он закрыл дверь в квартиру и взял зажигалку с маленького балконного столика. Положил локти на оконную раму, прикурил и, смотря на людей, что спешили на работу, наслаждался первыми утренними затяжками сигаретного дыма.

Кто-то ругался из-за неправильной парковки, кто-то очень осторожно выезжал из массы припаркованных машин, стараясь не задеть и не поцарапать машины соседей, и прежде всего свою.

«С одной стороны неудобно, что нет своей машины, но как посмотришь, сколько с ними мороки, по утрам вот эти крики, скандалы, разборки, которые бодрят, наверно, похлеще кофе, так подумаешь – и слава бо... Что за чёрт!» Перед Игорем возникла тоненькая зелёная линия и обрезала сигарету у самого фильтра.

В первую секунду он ничего не понял, только проводил взглядом упавшую с высоты четвёртого этажа, в цветочную клумбу под домом, дымящуюся сигарету. Потом пришло решение, что какие-то малолетки балуются лазерной ручкой, но он тут же отбросил эту мысль: такое устройство не может этого сделать.

«Чёрт, что это было? Испортили такое замечательное утро, козлы».

Игорь повернулся, открыл дверь и зашёл в квартиру за следующей сигаретой. Пройдя на кухню, выдернул «злодейку с фильтром» из пачки и хотел уже идти обратно, когда увидел на панели задач уведомление о пришедшем на почту письме.

Он не мог игнорировать пришедшие сообщения: что-то внутри него не давало спокойно себя чувствовать, пока висел этот значок. Мог не ответить, если не хотел, но прочесть был обязан.

Игорь открыл письмо. Прочёл и подумал, что это чья-то дурацкая шутка. Перечитал и неверящим взглядом уставился в монитор.

«Сегодня утром, – оповещало письмо, – на орбиту Земли был запущен спутник, который с помощью высокоточного лазера будет пресекать попытки курения в неположенных местах, и заботится о вашем здоровье. Мы много лет предупреждали, но, за редким исключением, все наши предупреждения игнорировались общественностью. Государство и сейчас даёт несколько шансов бросить курить, но уже в ультимативной форме. Минздрав устал предупреждать. Просим проявить понимание. Но всё же ещё раз напоминаем о вреде курения, теперь, фатальном. Подробности вы можете узнать на сайте: минздрав.рф».

«Да что это такое? Ну-ка проверим».

Игорь кликнул по ссылке. На главной странице сайта он увидел тот же текст и ссылки на законодательные акты и приказы, подписанные главами правительства и лично исполняющем обязанности президента В.В. Путиным.

«Интересно, это что же, всё правительство и депутаты курить бросили? Да я и так собирался бросать! Но когда вот так...давят... Нет, не хочу...»

На почту снова пришло письмо, и Игорь сразу его открыл.

« P.S. Мы спешим уведомить Вас, Игорь Николаевич Попов, что мы даём всем людям равные возможности, поэтому каждому курильщику даётся три попытки бросить курить: при первом выстреле режется сигарета; второй выстрел, будет аналогичен первому; при третьем – может пострадать любая часть тела курильщика, находящаяся близко к сигарете. Четвёртым выстрелом мы закончим то, что люди начинают, закулив в первый раз. И это нельзя считать убийством – ни в коем случае! – мы только ускоряем процесс, и спасаем других людей и природу от токсичного дыма.

Уведомляем Вас, что повреждения тела после третьего выстрела не попадают под закон об инвалидности, а также с этого дня, под этот закон не попадают заболевания, вызванные этой вредной привычкой.

Обращаем Ваше внимание на то, что запуск спутника дóрог, и мы не намерены впустую тратить государственные деньги, избавляя Вас от Вашей вредной привычки. В связи с этим первый выстрел оплачивается в размере десяти минимальных окладов. Дальнейшая оплата растёт в геометрической прогрессии. У нас есть все доказательства, что именно Вы должны оплатить этот выстрел, а если у Вас нет средств – кредит предоставляется; также напоминаем, что если в течение полугода не поступит первый платёж, мы будем вынуждены обратиться к Вашим родственникам или Вы должны будете продать свою недвижимость. Доказательства во вложении к этому письму.

P.P.S. Правительство Российской Федерации настоятельно не рекомендует Вам выкладывать в РИОнет это письмо и фотографии: мы за этим следим, и всё будет удалено; также не стоит выкладывать в интернет: это будет караться судебным разбирательством и штрафом. Мы спешим напомнить Вам, что в нашем государстве нет цензуры, но настоятельно рекомендуем помнить, что должна быть самоцензура: взрослый человек должен понимать, что можно и нельзя говорить и делать, а ответственность за несовершеннолетнего несут его родители. Игнорирование или иное нарушение данных рекомендаций, будет преследоваться в судебном порядке. С уважением, Правительство Российской Федерации».

Игорь открыл вложения и увидел три фото: вот он берет с улыбкой из пачки сигарету и выходит из кухни, а вот проходит через зал и подходит к балкону. Третье фото было слегка размыто, но он без труда узнал себя, с улыбкой смотрящего на соседей, с сигаретой во рту.

«Так-так... Там, где я на балконе, понятно – со спутника фоткали, а вот эти две? Это же в доме! Значит, правы были люди. Не просто так в него залезть нельзя, не просто так».

И он с ненавистью посмотрел на коробку детектора дыма, висевшую на потолке.

«Вот значит как... А я-то не верил. Хорошо, что отец курить бросил, но позвонить и предупредить – надо обязательно. Вот если бы мы, люди, все вышли, смог бы тогда спутник со всеми справиться?... Нет... многие пострадают, да и штрафы... Всё-таки люди – сильно разобщены. Если бы все вышли, даже если бы много пострадало, хрен бы они это замяли... Но когда-то же пострадают, и так или иначе, но всё станет известно! Значит, какой-то план у них есть».

С улицы раздались крики. Сначала один, а потом множество. Игорь выбежал на балкон.

Внизу, в стороне от балкона, спиной на тротуаре лежал мужчина и выл в безоблачное небо. Колени были прижаты к животу, а правая рука прижимала окровавленную левую к груди. Его белая рубашка быстро окрашивалась кровью. Люди с криками разбежались в стороны. Автовладельцы, уже не заботясь о царапинах на своих и чужих машинах, стремились быстрее убраться со двора, но дальше выезда уехать не могли. Там образовалась «пробка», и водители давили клаксоны, словно надеялись, что это разгонит затор.

Игорь увидел, как один парень, не добежав до мужчины нескольких метров, сорвал с себя футболку, кинул пострадавшему и что-то крикнул. Из-за какофонии автомобильных сигналов, криков испуганных людей и непрекращающегося, надсадного воя раненого, Игорь не слышал, что кричал парень. Юноша несколько секунд потоптался в нерешительности, развёл руками в стороны и убежал. Постепенно крик мужчины начал стихать, он протянул правую руку и схва-

тил футболку, лежащую на бёдрах. Подвывая и матерясь, он принялся кутать в неё кровавое месиво левой ладони. Ткань тут же начала окрашиваться кровью.

Игорь понял, что произошло: этот несчастный, закурил в третий раз, а люди наверняка подумали, что это теракт.

« В каком-то смысле так и есть. Хорошо, если только пальцы затронуло, – подумал он и зашёл в квартиру. Взгляд упал на часы.– Чёрт, без пяти семь, пора уходить. Мне теперь работа – ой как нужна... Работать мне и работать, причём бесплатно, – как Лёньке».

Он быстро прошёл на кухню, допил кофе – уже не ощущая вкуса, – убедился, что больше писем не пришло, закрыл ноутбук и пошёл чистить зубы и одеваться.

«А дымоуловители я всё же затаю простыней и в кухне, и в спальне, и в зале. Надеюсь, не отправит сигнал – я к нему и близко не подойду. Интересно, «гвардейцы кардинала» примчатся, если несколько дней подряд, не будут получать фотки из квартиры? Посмотрим... А там можно будет попробовать и на балконе спрятаться, и под окном... Пусть потом докажут!»

Игорь обулся, взял ключи с тумбочки у двери и вышел из квартиры.

Приоткрытая пачка сигарет осталась лежать на кухонном столе.

© Роман Черкашин. 2017 – 2018 гг.